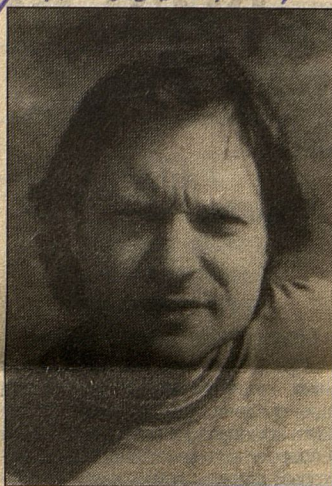

Мы – партизанский отряд

Культура. – 2000. – 7-13 сент. – с. 9

Один из самых интересных режиссеров среднего возраста Анатолий ПРАУДИН создал недавно в Санкт-Петербурге свой театр юного зрителя. Сформулировав однажды идею театра юных как «театра детской скорби» (вместо хрестоматийного «театра детской радости»), режиссер вызвал целый шквал недоумений и даже негодований. Однако Праудин до сих пор не изменил своей идее, не слегка подкорректировал формулировку.

– Анатолий Аркадьевич, говорят, существует два типа художников: одни своим творчеством пытаются что-то изменить в мире, другие – в себе. К какому типу вы отнесли бы себя?

– Скорее, к какому-то третьему. Изменить что-то в мире, я давно понял, невозможно. Как, впрочем, и в себе. Процессы, которые происходят во мне или в мире, от меня не зависят. Поэтому театр – способ заполнить дни.

– Лекарство от скуки?

– Попросту говоря – да.

– Я предполагал, что с пафосными вопросами, вроде того, с которого я начал разговор, к вам лучше не обращаться. И все равно для меня остается вопросом: вы действительно относитесь к театру как к безделью или ваша ирония скрывает что-то совсем иное?

– Ну давайте представим, что завтра все театры закроют. И что? Кто-нибудь это заметит, кроме тех, кто там жалование получает? Нет, люди и без театра прекрасно существуют. Мы себе игрушку устроили и забавляемся. А страна, если все наши игры прекратятся, как жила, так и будет жить.

– Какая, однако, сила у тех, кто получает в театре жалование: уже не одно тысячелетие они морчат людям голову спектаклями, которые им вовсе не нужны.

– Да, но если людей лишит театр, никто не заметит потери.

– Скажите, а театр-дом для вас – идеальная форма существования?

– Да! Режиссеры моего поколения выросли на идее театра-дома. Для нас альтернативы нет. И если это умрет, как некоторые предсказывают, нам будет очень трудно приспособиться. Как жить в роли перекачанной шины? Я не умею. И поэтому сейчас я зацепился за возможность создать свой коллектив. Не потому, что я одержим жаждой руководить, просто я не представляю себя вне театра-дома.

– В одном из последних интервью вы говорили, что в театре идет борьба между финансовой и творческой частями. В какой фазе эта борьба сейчас?

– Институт главных режиссеров погибает. Это совершенно очевидно, и тут, наверное, кулаками махать уже поздно. С этим надо смириться, наверное. И уходить в горы маленькими партизанскими отрядами. Пытаться налаживать жизнь в таком партизанском режиме. Я не рискнул бы назвать коллектив, имеющий 10 артистов и одного художественного руководителя, театром. Мы действительно партизанский отряд, продолжающий сопротивление в горах. Два раза в год мы выскакиваем со своими спектаклями в мир – и снова в горы. Взрывая мосты! Однако мы не на пустом месте возникли – нашу компанию учредил Комитет по культуре, все мы на зарплатах, спектакли финансируются. А приютил нас театр «Балтийский дом», за что мы ему очень благодарны.

– И здесь вы продолжаете искания в области «театра детской скорби»?

– Да, только мы сменили название на более мягкое. Наши искания теперь идут под формулировкой «аналитический театр для детей». Чтобы никого не смущать и не пугать, не создавать лишнего шума.

– Но сущность остается прежней?

– Да, сущность не изменилась. Мы до сих пор считаем, что дети достойны иметь свой качественный театр и достойны серьезного разговора о жизни.

– Знаете, большинство детских спектаклей, которые мне довелось увидеть, не было отягощено поиском какой-то особой эстетики. Проблема детского спектакля решается просто: с детьми общаются, как со слабоумными взрослыми. А вы, мне кажется, предлагаете общаться с детьми, как со взрослыми.

– Да.

– Тогда почему бы их сразу не отвести в обычный взрослый театр? В чем же для вас заключается специфика детского театра?

– Эта специфика трудноуловима. Я думаю, детский театр более игровой. В нем серьезные вещи проявляются через игру, через яркие, зрелищные формы. Но если внимательно посмотреть эти спектакли, то обнаружится, что для взрослых они простоваты. Для действительно взрослых. Этическое и эстетическое развитие большинства заканчивается в 13–14-летнем возрасте. Поэтому с 15 до 85 люди равны в своих пристрастиях и вкусах и духовных потребностях. Их всех мы ждем в нашем театре.

– И все же мне не очень ясна уникальность именно детского театра.

– Возьмем для примера два шедевра Товстоногова. «Мещане» – спектакль для взрослых. А вот «История лошади» – спектакль тюзовский, поскольку любой культпоход выдержит. Вот мне никто не верит, когда я говорю, что первыми тюзовскими режиссерами были не Брянецов и Сац, а Мейерхольд и Вахтангов.

– То есть яркая театральность – признак того, что спектакль для детей?

– Безусловно.

– Ваш театр, насколько я понял по вашим предыдущим выступлениям в печати, должен срываться со зрителя розовые очки?

– Да. Мы настроены на то, чтобы рассказывать о явлениях, которые нас интересуют, без скидок на возраст. Вы правильно заметили: классический детский театр немного похож на зрелище для слабоумного. Я не думаю, что наши подростки столь плохи, чтобы все без исключения детские театры разговаривали с ними на таком языке. «Аналитический театр для детей» не обязательно подразумевает печальный исход. Но с принципами и принцессами надо разбираться. И с чудесами тоже надо разбираться. Любое чудо, если в нем хорошенько покопаться, оказывается совершенно обыкновенным чудом.

– Это ваша задача?

– В анализе – да. Если анализ покажет, что чудо – это чудо, тогда слава Богу.

– Такое бывало?

– Нет, к сожалению. Когда начинаешь думать, приходишь к выводу, что если случается чудо, значит, это кому-нибудь нужно. Нет такого чуда, к которому никто бы не приложил руку. Я не беру религиозные, сакральные темы. Пока. Но в нашем человеческом общении чудеса имеют имя и фамилию.

– И чем раньше дети это поймут, тем лучше?

– Да. Жизнь нам преподносит и чудеса, и подарки. Но тут нет никакой закономерности. Нас ведь как учили – накормил котенка – и сам голодным не останешься, будешь хорошо учиться – станешь профессором. Мы против такого гастрономического подхода. Мы говорим – попробуй быть добрым без воздаяния. Попробуй сохранить себя, зная, что добрые поступки никак и никем оплачены не будут. Театр, между прочим, не единственная кафедра. Мы просто беседуем со зрителем, не претендуя на обладание истиной.

– Видимо, в детстве театр наградил вас какими-то иллюзиями, с которыми вы с трудом расстались?

– Я не скрою, что когда я в силу возраста был обязан посещать детский театр, мне потихоньку внушалась мысль, что если я переведу бабушку через дорогу, то мне это потом зачтется. И действительно, я некоторое время жил с ощущением, что все это покупается.

– Такое «капиталовложение» добрых дел в надежде на проценты...

– Да, бухгалтерский такой подход внушался. Что отдал – получишь с лихвой. И когда оказалось, что все это совсем не так, я не сказал бы, что это была какая-то катастрофа, но мириться как-то с этим пришлось. И это справедливо! Поскольку настоящая доброта бескорыстна. У нас страна, слава Богу, христианская, и мы на это опираемся. А в Евангелии сказано, что если делаешь добро, то пусть «твоя правая рука не ведает, что делает левая».

– Там еще говорится о внутренней невинности – «будьте как дети». Но ваша цель – поскорее сделать детей взрослыми.

– Я за невинность осознанную. Невинность Маугли – что в ней толку? Я за цивилизованную невинность, если так можно сказать. Попробуй сохранить внутреннюю невинность и чистоту, все зная и понимая.

– Получится?

– Не знаю. Но это очень важно. Потому что очень трудно предположить, что наши дети на всю жизнь останутся Маугли. Да никто и не хочет этого.

– Выходит, вы все-таки предполагаете очень серьезное воздействие театра на людей, раз так отстаиваете эти идеи?

– Нет, школа, армия, семья и двор влияют во сто раз сильнее. Но, может быть, и театр примет в этом свое участие? Не знаю.